

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

СНЕГУОЛЕ ЛИБЕРЕНЕ

Изучение структуры диалога предполагает рассмотрение многочисленных вопросов. Как и любой другой, диалогический текст строится из фрагментов, имеющих относительную семантическую самостоятельность; текст создается объединением этих фрагментов. Предложения, входящие в состав таких отрезков, семантически и формально зависимы. Отношения между предложениями внутри такого фрагмента диалогического текста могут быть весьма сложными, намного сложнее, чем в монологической речи, так как диалогический текст принадлежит не одному лицу. Реплики участников диалога объединяются в вопросо-ответные единства, а эти последние — в связанном смысловом отношении отрезки связного текста, именуемые дискурсом [Аспекты, 1982, с. 34]. Взаимодействие реплик в диалогическом тексте определяет его организационную сложность. Обладая смысловым единством, дискурсы в тексте отграничиваются друг от друга по тематическому принципу. Нас интересует выявление структурной и коммуникативной взаимообусловленности единиц диалогического текста. Начнем с анализа отрывка пьесы Ж. Жироду „Электра“:

Egiste. Que vient faire cet escabeau?

Serviteur. C'est pour le mendiant, seigneur.

Egiste. Pour quel mendiant?

Serviteur. Pour le dieu, si vous voulez. Pour ce mendiant qui circule... dans la ville. Jamais on n'a vu de mendiant aussi parfait comme mendiant, aussi le bruit court que ce doit être un dieu. On le laisse entrer où il veut.

Egiste. Il change le grain en or, dans les maisons? Il engrosse les bonnes?

Serviteur. Il n'y commet aucun dommage.

Egiste. Singulière divinité... Les prêtres n'ont pas su voir encore si c'était un gueux ou Jupiter?

Serviteur. Les prêtres demandent qu'on ne leur pose pas la question [Giraudoux, 1963, p. 29].

Содержание высказывания: слуга сообщает королю, что появился какой-то нищий. Фрагмент состоит из вопросов одного персонажа и ответов другого. Вопросы и ответы связаны между собой: вопросы определяют структурно-семантические свойства ответов. Текст прогрессирует, поставляя новую информацию о предмете речи (в данном случае, о нищем). Связность фрагмента реализуется при помощи различных лексико-грамматических средств. В первую очередь это лич-

ное местоимение *il*, которое заменяет слово *mendiant* как в вопросах, так и в ответах данного фрагмента. Возвращение к сказанному посредством коннектора *il* связывает воедино высказывания двух участников диалога, так как оба они вкладывают в это местоимение одно содержание: „он” — это „нищий”. То же самое можно сказать и об использовании в фрагменте местоимения *se* — оно тоже заменяет слово *mendiant*. Синтаксическая прономинализация, являясь очень экономичным способом реализации связности, часто используется в диалогических текстах, которые, как известно, отличаются большей лаконичностью составляющих его высказываний, чем монологическая речь. В нашем фрагменте используется и простой лексический повтор: оба участника диалога несколько раз употребляют слово *mendiant*. Лексические повторы являются сигналами, указывающими на связность отдельных реплик диалога. Это наиболее очевидные связывающие элементы, благодаря которым реплики участников диалога создают фрагмент, обладающий тематическим единством. Механизм связности диалогического текста сложен: взаимосвязь реплик выражается различными средствами: прономинализацией, лексическим повтором, повтором при помощи синонимов. Так, сохраняя объект внимания прежним, слово *mendiant* заменяется синонимом *gueux*, а слово *dieu* — лексическим эквивалентом *Jupiter*.

Из морфологических средств связности мы укажем прежде всего на глаголы, на их видовую, временную и модальную структуру. В нашем фрагменте все грамматические характеристики использованных глаголов совпадают: это глаголы настоящего времени, несовершенного вида. При этом большую роль играют лексические значения использованных глаголов: большинство из них обозначают движение (*gêde, sigule*) или другие действия (*change, engrosse*) того, о ком идет речь. Благодаря прономинализации, повторам, грамматической структуре и лексическому значению предикатов весь фрагмент рассматривается как единый текст.

При комплексном рассмотрении текста анализ связывающих элементов помогает выявить структурную и коммуникативную взаимообусловленность единиц текста. Каким же образом обеспечивается коммуникативная целостность исследуемого фрагмента? Анализируя тематическое членение предложений, входящих в данный фрагмент, получаем весьма своеобразную картину. В большинстве предложений темой является слово *mendiant* (или заменяющие его местоимения). Получаем сквозную тему, проходящую через реплики обоих участников диалога и тем самым скрепляющую текст. Тема не может быть неопределенной: слово *mendiant* практически во всех предложениях употребляется с определенным артиклем или же с указательным прилагательным. Рема же всегда содержит утверждение о теме; анализируя коммуникативную нагрузку компонентов некоторых предложений, входящих в состав фрагмента, получаем, что утверждение о нем — это сообщение о том, что он, возможно, бог. Ответ *Pour le dieu*

на вопрос *Pour quel mendiant* является ремой, так как раскрывает содержание вопросительного слова предшествующего предложения. В предложении *Jamais on n'a vu de mendiant aussi parfait comme mendiant, aussi le bruit court que ce doit être un dieu* рематическими элементами являются *ce doit être un dieu*. В предложении: *Il change le grain en or, dans les maisons?* информационным центром, т. е. ремой, является синтагма *change le grain en or*; этим утверждается, что нищий обладает способностями, свойственными только богу. И, наконец, безглагольное высказывание оценочного характера *Singulière divinité...*, рематичность которого обуславливает его предикативная по отношению к предшествующим высказываниям функция, опять-таки указывает на то, что информационным центром изучаемого диалогического фрагмента является сообщение о том, что нищий — это бог. Таким образом, получаем не только сквозную тему (*mendiant*), но и сквозную рему (*dieu*). На первый взгляд, такая модель коммуникативной нагрузки компонентов диалогического фрагмента противоречит закону тема-рематической прогрессии в тексте: диалог как бы застыл на месте: то, о чем говорится (тема), — это *mendiant*, то, что о нем говорится (рема), — это *dieu*. Но и такой текст прогрессирует: тематические элементы взаимодействуют с рематическими таким образом, что достигается определенный коммуникативный эффект; в данном случае в ходе диалога мы все более убеждаемся, что этот нищий — настоящий бог. Все содержание исследуемого диалогического фрагмента резюмируется в двух словах: „Нищий — бог”. Тема и рема, выявленные в коммуникативной структуре фрагмента, обеспечивают его смысловую целостность; с позиций коммуникативного членения могут определяться начало и конец фрагмента [Реферовская, 1983, с. 8]. И действительно, исследуемый фрагмент начинается с вопроса о скамеечке, на которой должен сидеть нищий; новый фрагмент начинается с новой темы. Два следующих один за другим диалогических фрагмента связаны словом, выполняющим функцию ремы в первом из них, — *dieu*:

Peut-être est-ce le délégué des dieux au mariage d'Electre [Giraudoux, 1963, p. 30].

Данное высказывание не только связывает два фрагмента, но и вводит новую тему — дальше разговор пойдет о браке Электры. Верхняя граница исследуемого фрагмента — формальная, с вопроса *Pourquoi cet escabeau* начинается новая сцена пьесы; нижняя граница семантическая, два фрагмента отграничиваются друг от друга своим содержанием, у каждого из них — своя тема. Для выражения соответствующего содержания отбираются синтаксические модели. В нашем фрагменте, как уже отмечалось, преобладают предложения с акционально-глагольными предикатами для сообщения о действиях нищего. Считается, что вопросоответной форме диалога свойственна неполнота формально-грамматического состава предложения, но в исследуемом фрагменте большинство предложений отличаются структурной полнотой; это двусоставные предложения, обладающие и сказуемыми. Из 14

предложений фрагмента только 4 являются неполносоставными: два вопроса, один эллиптический ответ и одно односоставное предложение оценочного характера. Благодаря структурной полноте большинства предложений фрагмента его можно отнести к текстам максимальной степени когерентности. В таких текстах четко эксплицированы внутренние связи между членами предложения, а также межфазовые связи [Аспекты, 1982, с. 52]. С точки зрения актуального членения, структурная полнота предложений диалогического текста связана с повторением темы [Сквородников, 1979, с. 186]; в нашем случае, это повторение представляет собой местоименно-анафорическое замещение: *mendiant* → *il*, *ce*. Как видно, синтаксическая организация предложений данного фрагмента больше свойственна монологической речи. Совсем другая синтаксическая организация предложений наблюдается в фрагменте пьесы Ж. Блоша „Тулон“:

Roger. J'amène quelques copains du lycée.

Patrice. Ces jeunes messieurs vont en excursion avec leurs sacs de campeurs?

Roger. Montrons-leur ce qu'il y a dans nos sacs!

Julot. Des grenades!

Gegene. Des grenades, les collègues!

Le soldat. Eh bien! Elles arrivent à pic!

Roger. Oui, des grenades d'un petit dépôt allemand, du côté de Brignoles.

Patrice. Quand avez vous fait ça? On n'en a rien su.

Roger. La semaine dernière... Oh! Ça ne valait pas d'en causer... Une petite affaire entre copains du lycée, pour s'entraîner.

Julot. Eh bien, c'est comme ça qu'on travaille.

Leocadie. Voyez-vous ça, les pitchounets!

Le soldat. Restez pas sur la chaussée. Vous allez vous faire canarder pour rien. Toi, le grand, dans cette encoignure, et toi ici sous le porche; vous deux, là, chacun avec un sac! Que le patron et la patronne rentrent dans le bar avec la réserve de grenades [Bloch, 1967, p. 111].

И этот фрагмент содержит законченный тематический отрезок текста, но структурная организация его компонентов совсем другая. Здесь много конструкций, отличающихся структурной и семантической неполнотой: восклицательные однословные предложения, эллиптические вопросы на ответы, безглагольные двусоставные предложения. Предложения различных коммуникативных типов взаимодействуют, и каждый из них играет определенную роль в фрагменте. Считается, что структурная и семантическая неполнота конструкций, связанная с элиминацией формальных средств синтаксических связей, приводит к ослаблению когерентности текста [Аспекты, 1982, с. 52]; тем не менее, и такой текст соответствует двум важнейшим правилам текстообразования: правилу повторения и правилу прогрессии. Как и в любом тексте, в нашем фрагменте наблюдается выражение одного и того же понятия разными лексико-морфологическими средствами. В первую очередь это лексические повторы: несколько раз повторяются слова *grenades*, *copains du lycée*, *sac*. Во-вторых, употребляются так называемые кон-

текстуальные синонимы (синонимы, несуществующие вне контекста): *sorains du lycée* → *jeunes messieurs* → *pitchounets*. Кроме того, наблюдаются анафорическое или катафорическое использование местоимений, которые заменяют не только слова, но и целые группы слов. Напр., местоимение *elles* в предложении *Elles arrivent à pic* заменяет слово *grenades*; местоимение *ça* в предложении *Quand avez vous fait ça* обозначает действия школьников (похищение гранат), как и местоимение *en* в предложениях *On n'en a rien su* и *Ça ne valait pas d'en causer*. Таким образом, отношения между компонентами данного фрагмента выражаются различными языковыми средствами — не только лексическими, но и грамматическими, степень когерентности такого текста достаточно высока, несмотря на структурную неполноту многих его компонентов. Смысловая целостность фрагмента отражается и в его коммуникативной прогрессии. В первой половине диалога наблюдается так называемая простая линейная тематическая прогрессия, когда рема первого предложения становится темой последующего: *quelques sorains du lycée* является ремой первого предложения, его синонимический эквивалент *ces jeunes messieurs* выступает в функции темы второго предложения; *leurs sacs* во втором предложении входит в состав ремы, в третьем предложении *nos sacs* является темой и т. д. К концу фрагмента модель коммуникативной прогрессии усложняется; тем не менее и здесь каждое предложение опирается на предшествующее, развивая информацию. Коммуникативным заданием, стоявшим перед исследуемым фрагментом как части пьесы, было сообщение о том, что школьники принесли бойцам Сопротивления гранаты. После определения коммуникативного задания становится ясной роль отдельных элементов. Главным словом фрагмента следует, по-видимому, считать слово *grenades*. Оно чаще всех повторяется в фрагменте. Повторно вербализуемая тема в известной мере выделяется [Сковородников, 1979, с. 186], но тем самым подчеркиваются и утверждения о теме, т. е. тематические компоненты. Каждый элемент, включенный в коммуникативный акт, играет в нем определенную роль. В каждом предложении так или иначе выражаются связи с окружающим контекстом; благодаря этим связям предложения объединяются в информационно насыщенный фрагмент. В пределах фрагмента все конструкции являются полноправными единицами текста [Аспекты, 1982, с. 36], в том числе эллиптические предложения типа *Des grenades!*, конструкции без личной формы глагола: *Oui; des grenades d'un petit dépt allemand, du sbté de Brignoles*, эллиптические ответы: *Quand avez vous fait ça? La semaine dernière...* и т. д. Все эти конструкции коммуникативны, все в той или иной мере раскрывают интенцию говорящего и способствуют структурной выделенности фрагментов текста, включающих эти конструкции.

Как диалог, так и монолог обладают своими особенностями, в них применяются разные языковые средства. Считается, что дистинктивными признаками диалога являются разговорная лексика, краткость, эллиптичность используемых конструкций. Но когда речь идет о диа-

логическом тексте пьесы, многое меняется, так как в этом случае все зависит от индивидуального стиля писателя, от тематики произведения и т. п. В этом отношении показательны наши фрагменты. Первый фрагмент — отрывок из пьесы Жироду „Электра” — отличается полносоставными предложениями, литературно-книжной лексикой, логической последовательностью, развернутой системой связующих элементов, строгой схемой тема-рематических отношений, т. е. теми признаками, которые более свойственны монологической речи. Все эти особенности обусловлены античной тематикой пьесы; кроме того, данный фрагмент — это диалог короля со своим слугой, что накладывает определенный отпечаток на лексико-синтаксические особенности фрагмента. Второй фрагмент отличается от первого употреблением разговорной лексики (*pitchounet, se faire saigner, ça*); увеличенным количеством синтаксически и логически незаконченных фраз, что передает эмоциональную напряженность персонажей. Таким образом, изучая средства организации текста, приходим к изучению его стилистических особенностей. Синонимические и семантические повторы, характеристики предикатов, прономинализация, служащие целям связности текстов, являются в то же время и стилистическими приемами. Изучение средств организации текстов „приближает нас ... к полному раскрытию информации, заложенной в художественном тексте” [Аспекты, 1982, с. 121].

STRUCTURE DU DIALOGUE

S. LIBERIENÉ

Résumé

Après avoir examiné certains traits de la langue de dialogue nous trouvons là des faits linguistiques inhérents à l'organisation du discours. Nous nous rendons compte de l'importance de tels phénomènes que la pronominalisation, la substitution lexicale, le rôle des prédicats. Au plan du contenu, tout fragment de dialogue donne lieu à l'apparition d'un centre d'information.

ЛИТЕРАТУРА

Аспекты, 1982 — А с п е к т ы общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.

Реферовская, 1983 — Р е ф е р о в с к а я Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.

Сковородников, 1979 — С к о в о р о д н и к о в А. П. Об одном виде повторной номинации со стилистической значимостью // Синтаксис текста. М., 1979.

Bloch, 1967 — B l o c h J. R. Toulon // Antologie du théâtre français. L., 1967.

Giraudoux, 1963 — G i r a u d o u x J. Electre. P., 1963.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра французского языка

Вручено
в ноябре 1986 г.